

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-5-9-18

УДК 821.161.1

Н.В. ПроданикОмский государственный педагогический университет,
644099 г. Омск, Российская Федерация

Сибирь в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль»: генезис и семантика топоса

Аннотация. Цель статьи – установить генезис пространственного образа Сибири в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» и определить семантические акценты, сделанные драматургом при обращении к сибирскому пространству. Методологическим базисом исследования являются биографический, историко-литературный и сравнительно-генетический типы анализа. Биографический анализ позволяет выявить осознанное обращение автора к сибирскому коду в поздней редакции комедии, заметить американские аллюзии в топологии Сибири. Историко-литературный и сравнительно-генетический методы дают возможность обратиться к литературному контексту эпохи (творчеству М.В. Ломоносова, И.П. Елагина, И.Я. Соколова), отметить, какими чертами наполнен топос Сибири в русской литературе второй половины XVIII в., какие из этих черт Фонвизин наследует и трансформирует. Одним из основных результатов исследования является необходимость обращения к пространственному коду комедии в процессе ее изучения в школе: хронотопическая деталь – топос Сибири – нужна для понимания замысла комедии, мировоззренческих установок и общественно-политических взглядов Д.И. Фонвизина. Сибирский текст, воссозданный Фонвизиним, демонстрирует, что автор наследует общероссийскую традицию, сложившуюся к середине XVIII в.: драматург идеализирует сибирское пространство, акцентируя щедрость сибирской природы. В итоговой редакции комедии «Недоросль» Сибирь представлена как богатый край, мощная природа которого может быть подвластна зрелому, опытному герою. В духе американского поиска счастья Фонвизин утвердил, что Сибирь может стать плацдармом коммерческого успеха, но, как подчеркивает российский драматург, при этом сам человек должен оставаться нравственно чистым и знать меру своим желаниям.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, творчество Д.И. Фонвизина, комедия «Недоросль», художественная деталь, топос Сибири, Сибирский текст русской литературы, методика преподавания литературы

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Проданик Н.В. Сибирь в комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль»: генезис и семантика топоса // Литература в школе. 2023. № 5. С. 9–18.
DOI: 10.31862/0130-3414-2023-5-9-18

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-5-9-18

N.V. Prodanik

Omsk State Pedagogical University,
Omsk, 644099, Russian Federation

Siberia in D.I. Fonvizin's comedy “The Minor”: Genesis and semantics of the topos

Abstract. The purpose of the article is to establish the genesis of the spatial imagery of Siberia in D.I. Fonvizin's comedy “The Minor” and to determine the semantic accents made by the playwright when referring to the Siberian space. The methodological basis of the research is biographical, historical-literary and comparative-genetic types of the analysis. The biographical analysis makes it possible to reveal the author's conscious appeal to the Siberian code in the late edition of the comedy, to notice American allusions in the topology of Siberia. The historical-literary and comparative-genetic methods make it possible to turn to the literary context of the epoch (the works of M.V. Lomonosov, I.P. Elagin, I.Ya. Sokolov), to note what features the Siberian topos in the Russian literature of the second half of the 18th century comprises and which of these features Fonvizin inherits and transforms. One of the main results of the study is the need to refer to the spatial code of the comedy in the process of studying it at school: a chronotopic detail, namely the topos of Siberia, is needed to understand the concept of the comedy, D.I. Fonvizin's worldview attitudes and his socio-political views. The Siberian text, recreated by Fonvizin, demonstrates that the author inherits the all-Russian tradition, developed by the middle of the 18th century: the playwright idealizes the Siberian space, emphasizing the generosity of the Siberian nature. In the final edition of the comedy “The Minor”, Siberia is presented as a rich land, the powerful nature of which can be subject to a mature, experienced hero. In the spirit of the American search for happiness, Fonvizin argued that Siberia could become a place for commercial success, but, as the Russian playwright emphasizes, the person themselves must remain morally pure and know the measure of their desires.

Key words: Russian literature of the 18th century, D.I. Fonvizin's works, comedy “The Minor”, an artistic detail, the Siberian topos, the Siberian text of the Russian literature, methods of teaching literature

CITATION: Prodanik N.V. Siberia in D.I. Fonvizin's comedy "The Minor": Genesis and semantics of the topos. *Literature at School*. 2023. No. 5. Pp. 9–18. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-5-9-18

Комедия Д.И. Фонвизина «Недоросль» стала классическим текстом отечественной культуры XVIII в., вошедшим в учебники литературы советской, а затем и постсоветской школы. При ее изучении в разное время ученикам предлагалось подумать над сатирическим обличением непросвещенного, своевольного провинциального дворянства, над тем, что в комедии «...сталкиваются два мира с разными потребностями, стилями жизни и манерами речи, с разными идеалами...» (В.Г. Маранцман)¹; обратить внимание на основной конфликт пьесы – на неограниченную властью одних людей над другими (В.Я. Коровина)²; поразмышлять над словами Стародума о «благонравии» – высоких нравственных качествах человека как фундаменте российской государственности и российского Просвещения (В.Ф. Чертов)³.

На наш взгляд, необходимо сделать еще один акцент – обратиться к художественной топологии пьесы: как правило, слова Стародума о Сибири прочитываются бегло, им не придают особого значения, а между тем появление сибирского кода пьесы выглядит неслучайным. Полагаем,

¹ Маранцман В.Г. Литература: учебное пособие для 9 кл. средней школы. М., 1994. С. 104.

² Литература. 8 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. Ч. 1. / авт.-сост. В.Я. Коровина и др. М., 2009. С. 39.

³ Уроки литературы. 7 класс: пособие для учителей общеобразовательных организаций / под ред. В.Ф. Чертова. М., 2014. С. 51.

что упоминание в комедии о Сибири обусловлено творческой биографией Д.И. Фонвизина, его социально-политическими взглядами и, кроме того, тенденциями, обозначившимися в российской литературе и культуре XVIII в. В нашем исследовании инструментарием, позволяющим определить генезис образа Сибири, акцентировать смыслы художественной топологии комедии на фоне историко-культурного контекста, стал целый комплекс литературоведческих подходов: наиболее значимы биографический, историко-литературный и сравнительно-генетический методы анализа.

Известно, что замысел пьесы вызревал у Фонвизина не одно десятилетие. Раннюю редакцию «Недоросля» датируют 1755–1760 гг. Первые мысли о комедии возникли у Фонвизина еще в пору увлечения студенческим театром при гимназии Московского университета, где в то время учился будущий драматург [3, с. 204–205]. Первая редакция текста существенно отличалась от известного нам по школьным учебникам финального варианта комедии, написанного в 1781 г., в 1782 г. поставленного на сцене, а в 1783 г. впервые опубликованного.

В начальном варианте пьесы одним из основных элементов сюжета был разговор между отцами: эмоциональный диалог сводился к советам Добромыслова, гостя из Петербурга, – Аксену Михеичу, в чье поместье

гость и заехал [6, с. 246–263]. Добромыслов не только настаивал, что Аксену следовало быстрее отдавать сына в ученье, пользоваться услугами учителей – французов и немцев, но и сам подавал пример такого воспитания и образования. Сын Добромыслова «...уж выучился по-немецки, по-французски, по-итальянски, арифметику, геометрию, тригонометрию, фортификацию, архитектуру, историю... и еще множество наук окончил...» [Там же, с. 258].

Советы заезжего сослуживца вызвали сомнение Аксена: отец-провинциал с осторожностью относился ко всему новому. Кроме того, Аксен как огня боялся учителей-иностранцев, при их упоминании гневно кричал: «Какой француз! Чорт бы их взял! Кто держит их и тот недоброй человек, а они только научают басурманской веры. Я, сударь, и жена моя ... учим Священного писания, а не французских книг, которые научают только закон Божий не наблюдать, да в пост мяса есть, – а это уж и совсем проклятое дело. Нет, государь мой милостивой, не намерен я его отдавать на руки французам...» [Там же, с. 260].

Как очевидно, в ранней редакции комедии был представлен конфликт нового и старого, точнее, петербургского и провинциально-поместного стилей жизни. В оппозиционных отношениях оказывались разные системы ценностей: Добромыслов выступал за расширение горизонтов знания, за стремление к овладению современными науками, напротив, семейству Аксена правильной казалась жизнь в рамках традиционного, патриархально-религиозного мировоззрения. Различались мнения отцов и в определении «скорости» судьбы своих чад: Добромыслов наста-

ивал на быстрой карьере, «заочной службе» сына (тот получал очередной чин, ни дня не прослужив в полку), Аксен же считал правильным медленное продвижение по службе, приобретение служилого опыта. Как очевидно, в ранней пьесе Фонвизин показывал своих героев многомерно, в каждом из них замечая положительные и отрицательные качества. Если стремление к новому знанию – это, бесспорно, положительная сторона семейства Добромыслова, то быстрый взлет по карьерной лестнице и приобретение чинов благодаря выгодным петербургским связям отца видится качеством сомнительным. Если бездумная зубрежка как путь к знанию маркирует провинциальную отсталость родителей Иванушки, то произнесенная Аксеном фраза о незаслуженном новом чине Добромыслова-сына «реабilitирует» образ Аксена Михеича в глазах читателя: «Как капитан-поручик? (Вскоча, с серцов) Статно ль дело не служа ничего. Да за что ж такая честь?...» [Там же, с. 259].

Впрочем, если Аксен побаивался наук и заезжих гувернеров, то слуга Федул ратовал за просвещение Иванушки, говоря, что «...и нам весело, когда господа хороши, да умны...» [Там же, с. 253]. Так, образы безымянно-бессловесного слуги, а вместе с ним и Тришки-портного, довольно терпеливо сносящего ругательства Простаковой, тоже отличают позднюю редакцию комедии Фонвизина от редакции ранней, в которой слуги имели свое мнение о господском просвещении и воспитании.

Первоначальная редакция комедии – незавершенный текст: сюжет обрывается на необходимости героев-провинциалов ехать в Петербург,

откуда и возвращается семейство Добромысловых (там ныне вершатся судьбы молодых людей). Как видим, эти «петербургские судьбы» не лишены порочных деталей: в погоне за чинами молодой человек часто оказывается теоретиком, а не практиком, получая повышение не за пребывание на службе, а благодаря хлопотам отца, устраивающего сына в «важные комиссии» [6, с. 259].

Примерно через пятнадцать лет после первой попытки написать комедию «Недоросль» Фонвизин предпринимает попытку вторую. «Поздний» «Недоросль» станет более сатирически акцентированным текстом: персонажи будут разделены на «...безусловно положительных (Стародум, Софья, Милон, Правдин) и безусловно отрицательных (Простаковы, Скотинин)» [Там же, с. 244]. Так же будут разграничены и хронотопические элементы текста: в комедии европеизированный Петербург предстанет местом, где, с точки зрения Стародума, царят хитрость, интриги и карьеризм: «...в этой стороне по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее... Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже никогда того, кто на земли...» [9, т. 1, с. 132]. Добавит негативной окраски Петербургу и Вральман, который посоветует Митрофанушке, как спокойно жить в столице, обходя стороной умных людей: «...с умными лютьми не сфясывайся, так и пудет плагоденствие...» [Там же, с. 145]. Как оказывается, в Петербурге с помощью хитрости, а не ума можно устроиться и недорослю.

Для честного человека, создающего капитал собственными трудом и умом, идеальным простран-

ством окажется не Петербург, а Сибирь. В представлении Стародума новый природный топос должен осваивать сильный человек, отказавшийся от старых (столичных) пороков: от лицемерия, бездумного стяжательства и карьерного кумовства. Вот как об этом говорит Стародум: «...Решился я удалиться на несколько лет в ту землю, где достают деньги, не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества; где требуют денег от самой земли, которая поправосуднее людей, лицепрития не знает, а платит одни труды верно и щедро...» [Там же, с. 134]. Сибирь щедра, она с лихвой воздает тем, кто возделывает ее, так утверждает Стародум, но и в этом богатом краю не отменяется для человека нравственный закон – необходимо знать меру своим желаниям: «Да ведаешь ли ты, что для прихотей одного человека всей Сибири мало! Друг мой! Все состоит в воображении. Последуй природе, никогда не будешь беден. Последуй людским мнениям, никогда богат не будешь...» [Там же, с. 134].

Как возник образ Сибири в авторском сознании Д.И. Фонвизина? Один из ответов найдем в биографии автора: в августе 1778 г. Денис Иванович встречался в Париже с Бенджамином Франклином. По словам князя П.А. Вяземского, первого биографа Фонвизина, эта встреча много значила для драматурга: «...представитель юного просвещения России был собеседником с представителем юной Америки» [2]. Ученые отмечают сходство в суждениях и ценностях жизни Франклина и Стародума: «...нетрудно в учении Стародума найти список добродетелей, которые указал Франклин в своей “Автобиографии”:

...решительность... справедливость, умеренность... спокойствие, целомудрие, скромность...» [5, с. 396]. Сам Франклин, припоминая советы своего отца, фундаментом личного финансового успеха считал трудолюбие, настойчивость, прилежание и «благоразумную бережливость» [10, с. 443]. Переезжающим в Америку Франклин напоминал одну из статей Конституции, она гласила: «...каждый свободный человек, чтобы сохранить свою независимость... должен иметь какую-нибудь профессию, ремесло... дающие ему возможность честно существовать... не может быть никакой необходимости и пользы в том, чтобы учреждать выгодные должности, обычным результатом которых является зависимость и раболепство...» [Там же, с. 585]. Отвечая на вопрос, кто может обогатиться от переезда в Америку, Франклин утверждал: это мог быть настоящий труженик, поскольку «...земля в этой стране дешевая», здесь хороший воздух, здоровый климат, и «здоровые молодые трудолюбивые люди... могут легко обосноваться здесь» [Там же, с. 587]. Именно необходимость труда для поддержания своего существования, как считал Франклин, помогает обществу избавляться от пороков, рождающихся праздностью: «Трудолюбие и постоянная занятость являются серьезным средством сохранения нравственности и добродетели нации» [Там же, с. 591].

Как видим, Сибирь и Америка видятся в XVIII в. плацдармами коммерческого успеха, а благодатная земля и благонравие человека – основными слагаемыми достатка в Сибири (по мысли Стародума) и в Америке (по убеждениям Б. Франклина).

Как это ни странно, но думается, что стремление найти в своем Отечестве пространство, похожее на пространство американское, и «привело» Фонвизина к Сибири. «Американское эхо» в словах Стародума одним из первых почувствовал П.А. Вяземский: «...*Стародум*, разбогатевший в Сибири и нечаянно возвращающийся, чтобы обогатить племянницу свою, сбивается несколько на непременных дядей французской комедии, которые для развязки комической интриги падали из Америки золотым дождем на голову какого-нибудь бедного родственника...» [2].

Вопрос, почему Фонвизин предпочел перенести сюжет нажитого собственным трудом капитала «на российскую почву», а не сделать эту часть биографии Стародума американской, отпадает сам собой, когда вспоминаем об одном факте – знакомстве Д.И. Фонвизина с И.П. Елагиным. В октябре 1763 г. Фонвизин перешел из Коллегии иностранных дел «...в секретари к Елагину, который... возглавлял в то время кружок молодых писателей, а в 1766 году был назначен директором придворных театров...» [3, с. 208]. Одной из забот Ивана Перфильевича Елагина было становление русского театра. Он сам переводил пьесы норвежско-датского драматурга Людвиг Гольберга, при этом в замысле Елагина было не только переложение текста на русский язык, но и «переложение» проблематики текстов – переводчик адаптировал тексты, делая акцент на проблемах, важных российскому обществу [Там же]. К примеру, в комедии «Жан де Моль, или Русский-француз» Елагиным сатирически была показана мода на «галломанию».

Д.И. Фонвизин последовал примеру своего начальника и сам «переложил на русские нравы чувствительную драму» французского поэта Грессе [3, с. 209], дав ей заглавие – «Корион». В пьесе русский автор не только обратился к общественно значимым темам, но и «ввел отсутствующую в оригинале сцену с крепостным крестьянином, впервые используя такой образ в русской письменной драматургии...» [Там же]. Как говорил деревенский мужик, за неуплату всякого рода сборов драгуны «...без пощады бьют кнутами по спинам» [9, т. 1, с. 15]. Фонвизин, русифицируя текст, ввел не только сцену крестьянского рабства, но и дал возможность крестьянину говорить на своем наречии, это заметно по мужицкому «цоканью». Главному же герою – Кориону – вложил в уста осуждающие слова о том, что «обманом, хитростью и лестью полон свет...» [Там же, с. 23].

Ранняя драма «Корион» тоже была своеобразным шагом к комедии «Недоросль»: честные и свободные герои обеих пьес уезжали из столичного пространства в пространство провинциальное (для Кориона это было подмосковное имение, для Стародума – Сибирь). Кроме того, зрителю нужно было подумать о вреде крепостного права и для крестьян и для господ. В драме «Корион» Фонвизин создает образ задавленного налогами крестьянина – податного раба, а в комедии «Недоросль» Стародум произносит приговор незаконному рабству, осуждающе говоря о власти господ над крепостными: «...каждый должен искать своего счастья и выгод в том, что законно, и что *угнетать рабством себе подобных незаконно...*» (курсив наш. – Н.П.) [Там же, с. 167].

Сам Д.И. Фонвизин тоже настаивал: «...государство, где люди составляют собственность людей... носит... бремя жестокого рабства» [9, т. 2, с. 265–266].

Художественное пространство Сибири в комедии «Недоросль» напрямую связано с избавлением от гнета рабства: подобно стремящейся к свободе Америке, где во времена Франклина шла борьба с рабовладением, Сибирь в пьесе Фонвизина предстала краем, не знающим крепостного права. Конечно, в этом суровом российском пространстве каждому необходимо было рассчитывать на себя и на Божью помощь, так и скажет Стародум: «...Я могу служить примером, что *трудами и честностию* состояние свое сделать можно. Сими средствами, с *Божией помощью* счастья, нажил я десять тысяч рублей доходу...» (курсив наш. – Н.П.) [9, т. 1, с. 115]. Расчет «на себя» для дворян связан как раз с тем, что Сибирь не знала такой формы рабства, как крепостное право: здесь свободный дворянин встречался с вольным крестьянином. Дворянство пыталось добиться распространения крепостничества в Сибири, напрямую обращалось к императрице, но «эти домогательства сибирского “служилого сословия” не нашли поддержки у российского правительства ... Императрица Екатерина II в 1782 г. при открытии сибирских наместничеств категорически заявила, что “в Сибири нет недвижимых дворянских имений”» [7, с. 221] и что, соответственно, не бывать здесь и крепостничеству.

Конечно, очень скупо воссозданный в комедии Фонвизина образ суровой и свободной Сибири приукрашен, поскольку жизнь крестьян здесь не была вольготной, но интересно, что идеализирована сибирская жизнь

в XVIII в. не одним Денисом Ивановичем. Драматург здесь, скорее, придерживается традиции, сложившейся в 1740–1780-х гг.: литература российского Просвещения делала акцент на положительных чертах края: его богатых природных ресурсах, просторе, его мощной природе, на необходимости Сибири – России. Эти мысли различимы у многих известных писателей, например, находим их в одической поэзии М.В. Ломоносова. В «Оде на день восшествия на Всероссийский престол Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» видим гиперболизировано бескрайний топоним России, включающей в себя Сибирь. С точки зрения Ломоносова, Сибирь – богатый край, полный сокровищ, он – «злата жила», а мощные сибирские реки – сродни морям: «...Там Лена чистой быстринной, / Как Нил, народы напаяет / И бреги наконец теряет, / Сравнившись морю шириной...» [4, с. 203].

Щедрой и богатой предстает Сибирь и в тексте Фонвизина: заработанный капитал в десять тысяч рублей действительно делает Стародума состоятельным человеком. Например, в 1793 г. в Петербурге стоимость съемной квартиры, состоящей из трех комнат, составляла всего 8 рублей в месяц: «...в Петербурге наняли квартиру в доме ... каменном, три покоя и конюшня, считая по осьми рублей в месяц...» – так писали крестьяне, приехавшие с господами в северную столицу [1].

Немаловажным оказывалось и то обстоятельство, что Сибирь позволяла честному человеку богатеть, не поступаясь своими нравственными принципами. В утверждении высокой нравственности сибиряков у Фонвизина тоже находились пред-

шественники (и, конечно, дело вновь не обходилось без идеализации). Так, в пьесе «Сибиряк», написанной драматургом и актером Иваном Яковлевичем Соколовым и впервые поставленной в 1781 г., образ главного героя практически «списан» с вольтеровского Простодушного. Повесть Вольтера «Простодушный» опубликована в 1767 г. и через восемь лет была переведена на русский язык. И.Я. Соколов, как и Фонвизин в своем раннем творчестве, переложил на русские нравы действие повести Вольтера и трансформировал образ героя: он заменил вольтеровского наивного юношу-француза, воспитанного американским племенем гуронов, на русского юношу, воспитанного в Сибири. «Говорящее имя» юного сибиряка (Доброн) свидетельствовало о его главных достоинствах – щедрости и сердечной открытости. Доброн-сибиряк восхищался своей родиной: Сибирь – это край, «...где честь свято наблюдается и все люди обходятся между собою без лести и обману» [8, с. 139]. Идеализированное нестолично-сибирское пространство воспитывало наивного и щедрого человека, который выгодно отличался в пьесе от многих дворян, умеющих плести сети коварства.

Подводя итоги, скажем, что Сибирь как топологическая деталь комедии «Недоросль» не должна упускаться из виду на уроках литературы. Наряду с образами героев, хронотоп пьесы требует декодирования и осмысления. Сибири посвящено в пьесе всего несколько строк, но обращение к этому пространству выявляет такие мировоззренческие установки героев и самого автора, как ценность упорного труда, дворянской чести, благонаравия, а не чиновничества. Сибирский

текст в творчестве Д.И. Фонвизина строится на соотношении со столичным российским пространством – Петербургом, и европеизированный Петербург «проигрывает» Сибири: с точки зрения Стародума, город подвержен нравственным болезням современности.

Заметно в комедии и соотношение Сибири с семиотическим пространством Америки – Нового Света. Американский генетический претекст выявляется при обращении к биографии Д.И. Фонвизина, его личному знакомству с Б. Франклином. Пафос простора природного и простора для жизнедеятельности человека, природной и человеческой (нравственной) чистоты сближает, в понимании драматурга, два столь далекие друг от друга пространства. Как правило, в русской литературе XVIII в. замечают трансплантацию европейских сюжетов, образов, идей, но текст Фонвизина убедительно доказывает, что Россия «примеряла» на себя и американский культурный и социально-политический опыт. В частности, Фонвизину был интересен пафос свободы: стремление к отказу от крепостного права как разновидности рабства.

Кроме того, Сибирский текст, воссозданный Фонвизиним, демонстри-

рует, что автор следует за общероссийскими культурными установками, сложившимися в середине XVIII в.: Фонвизину не чужда идеализация в описании сибирского топоса. При этом если И.Я. Соколов делает акцент на наивности своего героя, его сибирско-провинциальном простодушии и юном возрасте, то Фонвизин демонстрирует силу ума своего героя. Возраст и жизненный опыт – это слагаемые предпринимательского успеха Стародума в Сибири.

На наш взгляд, обращение на уроках литературы к художественной топологии позволит учителю и ученикам подмечать неочевидное, вместе совершать маленькие открытия в хрестоматийных текстах, задаваться новыми вопросами. К примеру, следует подумать, почему в понимании Простакова Сибирь – это далекое и смертельно опасное пространство. При ответе на этот вопрос нужно учитывать патриархальную непросвещенность родителей Митрофанушки, узость их культурного кругозора и традиционность взглядов. Остановимся на этих «подсказках», поскольку разговор о пространственных координатах жизни семейства Простаковых – это уже тема другого исследования.

Библиографический список

1. Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М., 2006.
2. *Вяземский П.А.* Фон-Визин / Соч. кн. Петра Вяземского. СПб., 1848.
3. История русского драматического театра: В 7 т. Т. 1. От истоков до конца XVIII века / авт. В.Н. Всеволодский-Гернгросс. М., 1977.
4. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. М.; Л., 1959.
5. *Льткина О.И.* Образ Америки в восприятии русских писателей конца XVIII века (А.Н. Радищев, Д.И. Фонвизин, И.А. Крылов) // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2019. № 1. С. 389–397.
6. Ранняя комедия Д.И. Фонвизина. Первая редакция «Недоросля». Публикация Г. Коровина // Литературное наследство. Т. 9–10. М., 1933. С. 243–263.
7. *Сафронов С.А.* Крепостное право и Сибирь // Вестник КРАСГАУ. 2004. № 4. С. 220–223.

8. Соколов И.Я. Сибиряк: комедия в пяти действиях. СПб., 1807.
9. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1959.
10. Франклин В. Избранные произведения. М., 1956.

References

1. Vospominaniya russkikh krestyan XVIII – pervoi poloviny XIX veka [Memoirs of Russian peasants of the XVIII – first half of the XIX centuries]. Moscow, 2006.
2. Vyazemsky P.A. Fon-Vizin / Sochineniya knyazya Petra Vyazemskogo [Von-Vizin / Works of Prince Peter Vyazemsky]. St. Petersburg, 1848.
3. Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra. V 7 t. T. 1. Ot istokov do kontsa XVIII veka [History of the Russian drama theater: In 7 vols. Vol. 1. From the origins to the end of the XVIII century]. V.N. Vsevolodsky-Gerngross (ed.). Moscow, 1977.
4. Lomonosov M.V. Polnoye sobraniye sochineniy: V 11 t. T. 8. Poeziya. Oratorskaya proza. Nadpisi. 1732–1764 gg. [Complete works: In 11 vols. Vol. 8. Poetry. Oratorical prose. Inscriptions. 1732–1764]. Moscow, Leningrad, 1959.
5. Lytkina O.I. The image of America in the perception of Russian writers of the late 18th century (A.N. Radishchev, D.I. Fonvizin, I.A. Krylov). *Russkij yazyk i kultura v zerkale perevoda*. 2019. No. 1. Pp. 389–397. (In Rus.)
6. Early comedy by D.I. Fonvizin. The first edition of «Undergrowth». Publication by G. Korovin. *Literaturnoe nasledstvo*. Vols. 9–10. Moscow, 1933. Pp. 243–263. (In Rus.)
7. Safronov S.A. Serfdom and Siberia. *Bulletin KSAU*. 2004. No. 4. Pp. 220–223. (In Rus.)
8. Sokolov I.Ya. Sibiryak: komediya v pyaty deystviyakh [Siberian: A comedy in five acts]. St. Petersburg, 1807.
9. Fonvizin D.I. Sobraniye sochineniy: V 2 t. [Collected works: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1959.
10. Franklin V. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Moscow, 1956.

Статья поступила в редакцию 15.08.2023, принята к публикации 20.09.2023
The article was received on 15.08.2023, accepted for publication 20.09.2023

Сведения об авторе / About the author

Проданик Надежда Владимировна – кандидат филологических наук; доцент кафедры литературы и культурологии филологического факультета, Омский государственный педагогический университет

Nadezhda V. Prodanik – PhD in Philology; Associate Professor at the Department of Literature and Culture Studies, Faculty of Philology, Omsk State Pedagogical University

E-mail: omsk.nadezhda@mail.ru